

...Мы приземлились на балконе и постучали в стекло. Николай Владимирович широко распахнул дверь и жестом пригласил нас войти.

— Не замерзли?

— А разве сказочные герои мерзнут? — улыбнулись мы.

— Вот и ладно, — сказал Николай Владимирович, — присаживайтесь. Дайте только переоденуться.

Крибле крабле бумс — и рабочий волшебный халат сменили обыкновенные свитер и брюки...

Так началась наша беседа с народным артистом РСФСР, главным режиссером детских программ Всесоюзного радиовещания, главным сказочником, «радионяней» Николаем Владимировичем ЛИТВИНОВЫМ.

— Я ВАС слушаю, друзья мои.

Честно говоря, в ответ на такое знакомое из уст Литвинова обращение появилось желание затянуть: «Радионяня», «Радионяня» — есть такая пере-да-ча...», но мы постеснялись и только спросили:

— Николай Владимирович, мы очень привыкли слышать ваш голос по радио. Вы поете нам песни, рассказываете сказки. Ну а вам сказки рассказывает кто-нибудь?

— Разве что внучек. Но вообще-то он тоже больше любит меня слушать.

— Вашему внуку можно позавидовать. Ведь так здорово иметь в дедушках всамделишного сказочника! К другим вы приходите только по радио...

— Вот и хорошо, что «только». Ведь я «невидимка». Меня нужно слушать, а не разглядывать. Кстати, радио всегда можно выключить, а как выключишь настоящего, живого дедушку?

— Но мы, Николай Владимирович, вас никогда не выключаем.

— Знаю, знаю, и даже когда уходите из дома...

— А вы сами разве не любите слушать радио?

— И даже больше, чем смотреть телевизор. Люблю музыку, литературные передачи.

— А к эстрадной музыке как относитесь?

— Если тридцатых — сороковых годов, то слушаю с удовольствием. А вообще больше люблю Ваха, Бетховена, Чайковского.

— Это ваш роуль?

— То есть как? Разумеется, мой... Я и играть немного умею. Когда приходят мои коллеги, он здорово помогает нам в работе.

— А гитара на шкафу?

— Тоже моя. Раньше, как и все драматические актеры, я очень любил петь, причем считал, что делаю это совсем недурно. Даже сыграл на гитаре в одном из радиоспектаклей.

— Николай Владимирович, почему вы называли себя драматическим актером?

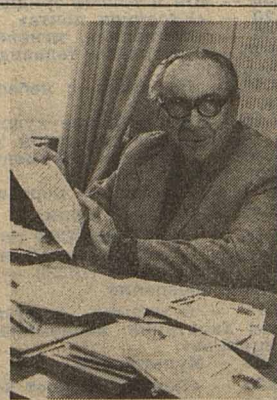
— Потому что на радио я пришел из театра. В 1932 году режиссер Осип Наумович Абдулов ставил «Школу» Гайдара. Меня пригласили сыграть Борю Горикова. Было интересно и очень сложно: приходилось совмещать выступления на радио со спектаклями в театре.

— А что было потом?

— Началась война. Наш Театр имени

Ленсовета, эвакуировали, а я остался. Был пожарником, дежурил на крыше театра — воевал с зажигалками...

— Деда, пойдти на минутку, — заглянул в дверь внук Ваня. На голове у него была

● СУББОТНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

СОЛО ДЛЯ СКАЗОЧНИКА

бескозырка с надписью «Аврора», а в руках — собственного изготовления рисунок, который, судя по всему, он собирался показать дедушке...

— Ну а после войны стал работать только на радио, — закончил Литвинов. — Извините, я сейчас вернусь.

И мы остались в комнате сказочника одни.

СЕЙЧАС же на шкафу, рядом с гитарой, как будто зашевелился кто-то. Там сидели три кукольных Буратино в одинаковых полосатых колпаках. Они даже будто зашептались между собой, причем все — литвиновскими голосами. А один вообще свесил со шкафа ногу и стал ею дрыгать...

— Все, Ванюшка, все, потом расскажу, — вернулся в комнату хозяин. — Поехали дальше, друзья мои? У нас не так много времени.

— Николай Владимирович, откуда у вас эти три одинаковые куклы?

— Их мне подарили. Я ведь связан с Буратино очень давно. Эта роль — одна из моих самых любимых на радио.

В первоначальном варианте спектакля участвовало множество актеров и каждый играл свою отдельную роль. Спектакль получился шумным и веселым, но в нем, как мы поняли позже, не хватало сказочности. Так родилась идея «радиомультимедиа». Каким должно быть звуковое изображение мультипликационного героя? В конце концов режиссеру этого спектакля Розе Марковне Иоффе пришла идея прослушать голос актера со скоростью большей, чем при записи.

Таким образом был изготовлен «Буратино номер два». Смешной, с необычным голосом.

— И все остальные роли в этом спектакле исполняли вы один, Николай Владимирович...

— Это была довольно кропотливая, но увлекательная работа. И было очень интересно петь самому с собой: дуэтом, на четыре голоса...

— А если будет нужно сделать большой хор, сможете?

— Только, думаю, никому, кроме меня, это удовольствие не доставит...

Но дело, конечно, не столько в песне, сколько в самой сказке. Вот например: «Жил старик со своею старухой у самого синего моря...». Я много лет читаю эту сказку, но никогда мне не удается прочитать ее так, как хочется...

— А вам никогда не казалось, что есть сказки, которые несколько устарели, слишком наивны для сегодняшнего дня?

— Во-первых, любая по-настоящему хорошая сказка всегда останется современной. Согласен, слушаешь сейчас некоторые записи прошедших лет и ощущаешь, что они идут в слишком замедленном ритме либо вообще воспринимаются как анахронизм. Но устаревает лишь прочтение сказки, а не она сама.

Во-вторых, есть много и современных сказок. Например, Паустовского, Катаева. Взять хотя бы «Цветик-семицветик»...

— Но современные сказки могли бы быть и более информативными, чтобы учить современных интеллектуально раз-

витых детей не только добру, честности... но и более конкретным вещам, скажем, математике, иностранному языку.

— А наша «Радионяня»? Знаете, сколько учителей пишут, что «Веселые уроки» помогают детям усвоить правила грамматики? Да и сами ребята очень любят эти уроки и много говорят об этом.

— «Радионяню» слушают достаточно взрослые ребята. Мы же имели в виду «учебные» сказки для самых маленьких.

— Думаю, вы зря стараетесь разделить сказки для детей и для взрослых. Альтернативного «или — или» здесь быть не может. Сейчас я попробую вас в этом убедить.

Из громадной килы книг на століне (все — сказки) Литвинов выбрал одну: «Чистый Дор» Ю. Ковалю и начал читать.

Это было очень странно — совершенно незнакомый человек, с таким знакомым голосом... Мы закрыли глаза, и все сразу встало на свои места: не кто-то, а Николай Владимирович Литвинов своим добрым знакомым голосом рассказывал нам современную сказку: о промышленности — клеевые небесные цветы, о тех, кто хочет ее купить, о доброте во взаимоотношениях между людьми.

— Ну что, убедил?

— Убедили. Сказка действительно универсальный жанр...

— И очень сложный. Поэтому подходит к нему в работе приходится серьезно.

— Наверное, радиосказка сильно отличается от той, что ставят на сцене театра?

— Конечно. Нет связи со зрительным залом, нет возможности пользоваться жестом, мимикой. Поэтому слово, выходящее в эфир, должно быть очень правдивым. Большая аудитория заставляет критически относиться к каждому сказанному слову. А радио рассчитано на близкое, интимное общение. Радиосказка — для одного, для двух.

Мне помогает у микрофона мое воображение. Я вижу тех, кто меня слушает, вижу детские глаза. Они очень чуткие и отзывчивые. Если говорю о страшном — они одни, если начинаю хитрить — другие.

— Если заглянуть в будущее, то мы, наверное, встретимся с радиосказкой. Как вы думаете, изменится ли она?

— Трудно сказать. Может измениться форма написания и подача. Но сама сказка, думаю, была, и есть, и будет.

МЫ СТАЛИ прощаться с Николаем Владимировичем. Вышли на балкон и, посмотрев на привязанный к перилам воздушный шарик, улыбнулись.

— Мы к вам еще прилетим, — сказали мы.

— На ковче-самолете? — пошутил Литвинов. — Только тогда не забудьте прихватить с собой скатерть-самобранку...

г. ДАВЫДОВ,
С. СЛЮСАРЕВ.